

References

1. Laplace P. A. *Philosophical essay on probabilities*. London, 1902. 164 p. (Russ. ed.: Laplace P. A. *Opyt filosofii teorii veroyatnostoni*. Moscow, 1908. 206 p.).
2. Bunge M. *Philosophy of physics*. Dordrecht, 1973. 330 p. (Russ. ed.: Bunge M. *Filosofiya fiziki*. Moscow, 1975. 347 p.).
3. Prigogine I. N., Stengers I. *Poryadok iz khaosa* (Order out of chaos). Moscow, 1986. 432 p.
4. Yarskaya V. N. *Nauchnoe predvidenie* (Scientific prediction). Saratov, 1980. 181 p.
5. Akoff R. *The art of problem solving*. New York; Chichester; Brisbane; Toronto, 1978. 160 p. (Russ. ed.: Akoff R. *Iskusstvo resheniya problem*. Moscow, 1982. 224 p.).
6. *Mify narodov mira. Entsikl.: v 2 t.* (Myths of the peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vol.). Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, 1980. Vol. 1. 654 p.
7. Kozlowski P. *Die postmoderne Kultur: Gesellschaftlich-kulturelle Konsequenzen der technischen Entwicklung*. Munchen, 1988. 210 p. (Russ. ed.: Kozlovsky P. *Kultura postmoderna*. Moscow, 1997. 240 p.).
8. *Filosovfskiy slovar* (Philosophical Dictionary). Ed. by G. Schmidt. Moscow, 1961. 718 p.
9. Poyzner B. N. *Haos, poryadok, vremya v drevnikh kartinakh mira* (Chaos, order, time in the world of ancient paintings). *Prikladnaya nelineynaya dinamika* (The applied social dynamics), 1993, no. 3–4, pp. 97–109.
10. Shults D. *Teoriya nechetkikh mnozhestv i mnogoznachnye logiki* (The theory of fuzzy sets and many-valued logic). *Filosofskie nauki* (The Philosophical Sciences), 1983, no. 6, pp. 119–124.
11. Grechanova V. A. *Neopredelennost i protevorechivost v kontseptsii determinizma* (The uncertainty and inconsistency in the concept of determinism). Leningrad, 1990. 136 p.
12. Kapra F. *Uncommon wisdom*. New York, 1988. 210 p. (Russ. ed.: Kapra F. *Uroki mudrosti*. Pod red. V. I. Arshinova, M. P. Papusha, V. V. Samoilova, V. N. Tsapkina. Moscow, 1996. 318 p.).

УДК 123.1

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ

Бусов Сергей Васильевич –

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский университет информационных технологий, механики и оптики
E-mail: swbusoff@mail.ru

Статья посвящена анализу соотношений свободы и необходимости, возможности и действительности, выбора и отбора, свободы и ответственности. Определяются основные закономерности (тенденции), управляющие социальными процессами, в рамках которых проявляется свобода, а именно механизмы отбора и суперотбора. Описываются эссенциология, феноменология и аксиология свободы. Определяется понятие свободы в социуме, которая реализуется лишь в условиях суперотбора (отбора самих факторов отбора), т.е. в условиях контроля за социальным отбором со стороны субъекта. Свобода есть процесс самоорганизации, и в рамках этого процесса вырастает новый уровень – ответственность, организационно достраивающий свободу до уровня «познанной случайности в рамках данной закономерности». Свобода и ответственность представляют собой соотношение двух аспектов социальной реальности – самоорганизации и организации. Ставится проблема возможности гармонии свободы и ответственности.

Ключевые слова: свобода, необходимость, случайность, возможность, действительность, отбор, выбор, суперотбор, социальная синергетика, нелинейность, неопределенность, бифуркация, факторы отбора.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-13-18

В истории философии исследования понятия свободы связаны с мировоззрением, философской традицией, школой, методами изложения. Свобо-

да сводилась нередко к воле, выбору, свобода воли отождествлялась с субъектом, а сознание – с волей и свободой, воля – с деятельностью, выбором, ответственность – с необходимостью, с высшей божественной волей или даже – с наказанием. Процессы, лежащие в основании свободы, воли и выбора, часто относились к сфере трансцендентного (божественного) или, наоборот, полагались имманентными субъекту. В представлении людей функцию отбора (селекции возможностей и их реализации) выполняли скрытые сущности: демиург, бог (боги), природа (природные силы, стихии) и пр. В условиях государства существует политический отбор, распределяющий функции прав и обязанностей среди классов, сословий, групп и индивидов.

Социальный отбор контролируется субъектом через процесс выбора. При этом уровень выбора детерминирован двояко: действием социального отбора (реальностью общественного бытия) и действием воли субъекта (реальностью субъективного, личностного бытия). Итак, с одной стороны, существует объективный закон – отбор, а с другой – субъективный закон (воля). Субъективный закон по форме соответствует объективному:

имеется множество мысленных вариантов поведения, виртуальных возможностей, идет отбор мотивов-желаний, побеждает одна возможность-желание, человек приступает к ее реализации. Объективный отбор осуществляется среди объективных возможностей, причем одной из таких возможностей становится деятельность субъекта в направлении реализации избранного желания.

Возможность впервые определил Аристотель, возведя ее в ранг категории, как сущее и одновременно не-сущее, что есть и чего еще нет. На философском уровне – как потенциальное бытие внутри актуального бытия (наличного бытия), а на обыденном – как будущее в рамках настоящего. То, что квантовая физика и синергетика добавляют в содержание возможности в виде принципа *неопределенности*, делает ее весьма значимой в современной (философской и общенаучной) картине мира. Категории возможности и действительности определяют природу процессов эволюции во Вселенной вообще и в обществе в частности.

Античность толковала свободу как частное дело. Свобода не могла вписаться в структуру космоса, где господствовал строгий порядок, необходимость. Однако за частным усматривалось и общее. Этого положения придерживался Аристотель, которому был не чужд эмпиризм. На уровне единичного происходит реальный отбор, существуют альтернативы, возможности, например, в повседневной жизни. По Аристотелю, необходимость, возможность и действительность – это логические понятия в *нусе* (др.-греч. νοῦς – мысль, разум, ум). Возможность – это одновременно и бытие, и небытие, или то, что можно считать одновременно и существующим, и несуществующим. Чистую возможность следует рассматривать применительно к материи, не подвергшейся воздействию формы. Чистая действительность, по Аристотелю, это идея или форма, которая, реализуясь в материи, образует *вещь*. Глина есть горшок в возможности: «Так, например, ящик не земляной и не земля, а деревянный, ибо дерево есть ящик в возможности, и оно материя ящика: дерево вообще есть ящик в возможности вообще, а материя этого вот ящика – вот это дерево» [1, с. 243–244]. Аристотель полагал *необходимость* перехода возможности в действительность, а также логически обосновывал такой переход при наличии соответствующих условий и отсутствия препятствий для него. Возможностей может быть несколько, и должен иметь место *случай*, осуществляющий выбор из них. Так, из глины может появиться кирпич, дом, горшок, игрушка и многое другое: «То, что из сущего в возможности становится действи-

тельным через замысел, можно определить так: оно то, что возникает по воле [действующего], если нет каких-либо внешних препятствий; а там, у выздоравливающего [возможность переходит в действительность], когда нет никаких препятствий в нем самом; точно так же дом в возможности: если ничто из того, что относится к нему, т.е. в материале, не мешает этому материалу стать домом и нет ничего, что надо было бы прибавить или убавить, или изменить, – то это дом в возможности; и одинаково обстоит дело со всем остальным, у чего начало возникновения находится вовне. А там, где начало возникновения имеется в самом [возникающем], в возможности есть то, что при отсутствии каких-либо внешних препятствий станет сущим в действительности через себя; например, семя еще не есть человек в возможности (ему надо попасть во что-то другое и преобразоваться)» [1, с. 243]. Рассуждая о свободном выборе, Аристотель относит его к действию [2, с. 314]. Поскольку беспричинных действий нет, то и любой выбор имеет причину и совершается по необходимости.

Перейдем к аналогичным рассуждениям Гегеля. *Действительность* для него составляет единство сущности и явления. От непосредственного существования действительность отличается двумя признаками, которые делают ее конкретной и содержательной категорией: она включает в себя, во-первых, *возможность*, как нечто существенное и, во-вторых, *необходимость*, как ограничитель возможного, т.е. как *закономерность*. Действительность – не только осуществленная возможность, но и реальная возможность дальнейшего развития. Реальную возможность следует отличать от возможности абстрактной, считает Гегель: «Далее следует сказать, что с таким же правом, с каким все рассматривается как возможное, мы можем рассматривать все как невозможное <...> Можно сказать: материя невозможна <...> Возможно ли нечто или невозможно, это зависит от содержания, т.е. от тотальности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя как необходимость» [3, с. 316–317]. Необходимость – компонент действительности, ограничивающий область возможного, сводящий ее к реальной возможности. Действительно только то, что неотвратимо и вызвано существенными, закономерными факторами. Как и сущность, необходимость не предстает перед нами непосредственно, она всегда облачена в форму своей противоположности – *случайности*. Случайность есть форма проявления необходимости, а потому случайное есть нечто такое, что может быть, а может и не быть; его бытие или небытие имеет

основание не в нем самом, а в другом: «Возможность и случайность суть моменты действительности, суть внутреннее и внешнее, положенные лишь как формы, которые составляют *внешность* действительного» [3, с. 318]. Таким образом, случайность так же как необходимость сводит сферу возможностей к единственной, или реальной возможности. В отличие от Аристотеля, Гегель, пожалуй, впервые возвел случайность в ранг категории. Однако Гегель неоправданно зауживает *неопределенность* развития как в его основании, так и в его следствиях.

Современная синергетика (в частности социальная) занимается исследованием сущности процессов *самоорганизации*, а именно того, что, в частности, входит в категориальное содержание понятия свободы. Проявление этих процессов в виде непосредственно наблюдаемых социальных феноменов, а также логику их дальнейшего существования во времени – все это отнесем к разделам эссенциологии, феноменологии и эсхатологии свободы. Соотношение категорий возможности и действительности онтологически выражается в таком внутреннем механизме эволюции, как *отбор*. Поскольку источником нашего сознания, нашей воли и желаний является объективный мир, который представлен соответствующей системой объективных законов и тенденций, то онтологический аспект проблемы свободы будет определяться соотношением категорий возможности и действительности, а также необходимости и случайности, закономерности, сущности и явления, простого и сложного, порядка и хаоса и т.д. Аспект интерпретаций, а также проблема истины в столь сложном исследовании требуют развитой эпистемологической установки (*гносеологический* аспект). *Аксиологический* аспект исследования в том, что свобода выступает как *культурная* норма, предполагающая определенный критерий – *идеал*. Поэтому она исследуется как ценность, познается ее ценностное содержание, что весьма сложно, потому что ценность «пропускается» через эмоциональное переживание.

Свобода как этическая (политическая и юридическая) норма должна быть дополнена адекватной ей нормой ответственности (право и обязанность, преступление и наказание и т.д.). Возникает проблема реального и идеального (морального) соотношения свободы и ответственности. Категориальная пара «свобода и ответственность» не ограничивается сферой морали и юриспруденции, ее, прежде всего, следует рассматривать в аспекте онтологии (философии истории и социальной философии). Ответственность выступает как система норм и правил,

определяющих ее конкретно-историческую форму. Существует своеобразная норма ответственности, так же как определенная социально-историческая норма свободы. Если свобода – «дитя самоорганизации», то ответственность – «дитя организации», и для того чтобы контролировать процесс самоорганизации, в рамках свободы необходимо выстроить систему (иерархию, порядок, *организацию*) ответственности.

В категориальной структуре *модели* свободы обнаруживается уровень сущности (уровень эссенциологии исследования), выражающий процесс отбора. Он включает соответствующий механизм, предполагающий действие определенных факторов (законов, устойчивых тенденций) социального отбора, которые обозначим как тезаурус, детектор и селектор [4, с. 69]. «Тезаурус составляет множество возможных диссипативных структур, возникающих потенциально в недрах данной актуально существующей структуры как результат соответствующей бифуркации. В роли детектора, выбирающего из тезауруса определенную бифуркационную структуру и тем самым превращающего ее из возможности в действительность, выступает внутреннее взаимодействие элементов социальной системы» [5, с. 120]. Селектор – это закон, налагающий ограничения на действие детектора или тот принцип, которым детектор «руководствуется» при отборе и реализации той или иной возможности. При этом, согласно В. П. Бранскому, «закон отношений внутреннего взаимодействия в системе с ее внешним взаимодействием со средой определяет тот принцип устойчивости, на основании которого детектор должен выбирать из множества возможных бифуркационных структур наиболее устойчивую в данной среде <...> Только взаимодействие всех трех факторов – тезауруса, детектора и селектора – делает понятной творческую силу социального отбора и его способность творить “чудеса”» [5, с. 121].

Сущность такого широко распространенного социального явления, как *выбор* (который в литературе часто признается аналогом свободы, ее синонимом, что не совсем верно) предстает, с одной стороны, в виде обезличенного (надличностного) всеобщего (интерсубъективного) механизма социального отбора, а с другой – как сугубо интимный процесс волевой деятельности индивида (группы), связанный с борьбой внутренних мотивов, привязанностью к определенной системе ценностей, верой в идеалы, стремлением к истине, т.е. с множеством психологических факторов. В проблеме свободы чаще всего речь идет о выборе субъектом возможностей своей дальнейшей эволюции (в социуме, в

мире). Проницательность Аристотеля привела его в свое время к разграничению истины и идеала, а именно, что истина одна и выбора по отношению к ней у человека нет, а идеалов (вкусовых предпочтений) много.

Великие открытия И. Пригожина, Г. Хакена, М. Эйгена, Э. Янча, С. П. Курдюмова и многих других в развитии принципов нелинейного мышления позволили понять, что «порядок», действительно, может реализоваться только «через флуктуацию», только «через хаос». Это означает, что своим «выбором» люди запускают некий механизм «отбора». Если представить социальный отбор как производственный процесс, то общественное производство предстанет в виде пудинга, где в качестве изюма окажется момент выбора. Однако следует подчеркнуть, что механизм социального отбора «заводится» не только от свободного выбора субъектов социальной практики, но и от любого другого резонансного импульса, будь то природная катастрофа или богатый урожай хлеба. Разница в том, что в случае свободного (автономного и осознанного) выбора субъекта механизм социального отбора работает как суперотбор (отбор самих факторов отбора), а в других случаях – как простой отбор или даже как естественный отбор. На самом деле в социуме проявляется множество видов отбора. Суперотбор включается, когда к свободе «добавляется» такая важная качественная характеристика, как *ответственность*.

Самоорганизация осуществляется на основе сложной системы отборов. В отборе проявляется не только функция хаоса (элиминации, уничтожение неустойчивых ветвей эволюции, рост мутабельности, разрушительные воздействия среды и на среду), но и порядка (совершенствования гомеостазиса, минимизации ошибок при воспроизводстве и оптимизации метаболических процессов). При этом необходимо помнить, что отбор сам «отбирается», присутствует отбор факторов отбора, т.е. суперотбор, который всегда осуществляется на конечном тезаурусе возможностей и проходит «узкий коридор в сложное» (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов).

Суперотбор не управляется целевой причиной. Более того, если бы существовала подобная телеологическая зависимость, то не было бы, например, особой необходимости сложному субстрату функционировать по простой схеме, а «давление среды» не имело бы существенного значения. Простота функционирования прямо зависит от факторов отбора и влияния среды: сложные системы «с излишествами» отбраковываются (принцип Ле Шателье), тогда как сложные системы с простым функционированием

метастабильны. Еще один важный фактор делает понятным наличие богатого тезауруса возможностей – это касается фактора «воспроизводства с шумом» (М. Эйген) [6, с. 17]: сложные системы воспроизводятся с большим числом ошибок, чем простые, а потому у них появляется больше эволюционных перспектив. При этом минимизация проявлений сложности – закон устойчивости системы, что, прежде всего, проявляется в способе ее сосуществования с другими аналогичными системами. Согласованное (кооперативное) поведение таких систем делает их в аспекте функционирования относительно односторонними и простыми; так формируется целая культура, основанная на их коллективной жизнедеятельности (например, общественное производство у людей или муравейник у насекомых) [7, с. 19]. Именно здесь отбор и суперотбор, так же, как свобода и ответственность, распределяют свое влияние на эволюцию системы наиболее явно: простой отбор действует на иерархическую структуру «по горизонтали», а суперотбор – «по вертикали»; отбору присущ один масштаб изменений, менее значительный и на короткое время, а суперотбору – другой масштаб, более значительный и на длительное время (долгосрочная перспектива «выпрямляет» многочисленные зигзаги краткосрочной). Простой отбор действует на базе действительных предпосылок, но его деятельность неизбежно оказывает влияние на суперотбор, иными словами, простой отбор становится суперотбором, когда его действия затрагивают структуру глубинных *возможностей* эволюции системы. Свобода возникает лишь в условиях суперотбора, т.е. в условиях контроля за социальным отбором со стороны субъекта, а это уже уровень *метавозможностей*. И поскольку отбор «производит» случайность, то в условиях суперотбора субъект может воспользоваться этой случайностью, «сыграть роль детектора».

Свобода есть процесс самоорганизации, но в рамках этого процесса вырастает новый организационный уровень – ответственность, которая в рамках социума достраивает свободу до уровня «познанной случайности в рамках данной закономерности». Создать метавозможности самоорганизации и метавозможности можно, лишь всякий раз подвергая систему новому распаду, создавая новый хаос. Такая *организационная* деятельность субъекта носит характер *ответственности*.

Из сказанного ясно, что эволюция социальной реальности не сводится ни к одностороннему увеличению порядка, ни к одностороннему возрастанию хаоса. Развитие диссипативной структуры, по словам В. П. Бранского, есть рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный

стремлением к максимальной устойчивости [8, с. 22]. Диалектика свободы предстает уже не как противоречие между произволом и ответственностью, а как противоречие между познанной необходимостью и познанной случайностью, что, впрочем, также соответствует гегелевской трактовке диалектики мирового духа, а именно – как противоречию между сущим и должным. Поднимаясь до «вертикального» уровня суперотбора (супервозможностей), мы можем контролировать «горизонтальный» уровень отбора. Известно методологическое высказывание Маркса, согласно которому «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (простое – через сложное, а прошлое – через настоящее). Ценность именно такой «качественной» свободы должна затмевать свободу «количественную». Свобода как познанная необходимость на уровне суперотбора предстает свободой как познанной случайностью на уровне простого отбора. Ответственной свободой, просто ответственностью, становится «познанная случайность в рамках данной закономерности» (В. П. Бранский), поскольку именно такая свобода требует сложной (высшей) организации социума. Появление феномена ответственности в разных его исторических формах обозначило мощный водораздел между популяцией животных и человеческим обществом.

Одной из главных задач социальной синергетики является обоснование возможности гармонии свободы и ответственности – через *политическую* гармонию прав и обязанностей, *экономическую* гармонию труда и капитала и т.д. Как уже говорилось, свобода и ответственность представляют собой соотношение двух важнейших аспектов реальности – самоорганизации и организации, тесно взаимосвязанных. При переходе к более высокому уровню организационной политики, сложной организации капитала (речь идет об исторически ограниченном периоде – капитализме, который у нас еще далеко не закончился), а также к более высокому уровню культурного развития индивидов произойдет и качественный скачок свободы в обществе, когда возникнет и распространится «свобода как познанная случайность в рамках закономерности». Это позволит снять парадоксальные аспекты феномена свободы (речь о соотношении крайностей – порядка и хаоса, ответственности и произвола, тоталитаризма и анархизма и т.д.). Но все эти моменты, как нам кажется, должны подчиниться общей глобальной тенденции – движению к социальной гармонии. Для более детального анализа столь важной и сложной проблемы (свободы и ответственности) требуется больше усилий и журнальных полос. Философская полемика могла бы быть здесь как нельзя кстати.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. 550 с.
2. *Аристотель*. Большая этика // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1970. Т. 1. 503 с.
4. *Бранский В. П.* Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб., 2003. 253 с.
5. *Бранский В. П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
6. *Эйген М., Шустер П.* Гиперцикл : Принцип самоорганизации макромолекул / пер. с нем. В. И. Андреева ; ред. М. В. Волькенштейн, Д. С. Чернавский. М., 1982. 270 с.
7. *Пригожин И.* Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 15–21.
8. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Рязань, 2009. 314 с.

Categorical Structure of the Problem of Freedom

S. V. Busov

University of Information Technologies, St.-Petersburg
49, Kronverksky ave., St.-Petersburg, 197101, Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru

This article analyzes the relations between freedom and necessity, possibility and reality, choice and selection, freedom and responsibility. The basic laws (trends) that govern the social processes in which freedom is manifested, namely, selection mechanisms and super-selection are determined. It describes essentiology, phenomenology and axiology freedom. The notion of freedom in society, which is implemented only in the super-selection (the selection of the factors of the selection themselves), that is, in the conditions of the control over social selection by the subject is defined. Freedom is a process of self-organization and in the frames of this process grows up a new level – the level of responsibility which finishes building the freedom to the level of «known chance in the framework of the given regularity». Freedom and responsibility are representing the correlation of two aspects of social reality – self-organization and organization. The problem of possibility of harmony of freedom and responsibility is posited.

Key words: freedom, necessity, chance, possibility, reality, selection, choice, super-selection, social synergy, nonlinearity, uncertainty, bifurcation, selection factors.

References

1. Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics). Aristotle. *Soch.*: v 4 t. (Works: in 4 vol.) Moscow, 1976, vol. 1. 550 p.
2. Aristotle. *Quae feruntur Magna moralia*. New York, 1883. 126 p. (Russ.ed.: Aristotel. *Bolshaya etika* (Great ethics). *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1984, vol. 4. 830 p.).

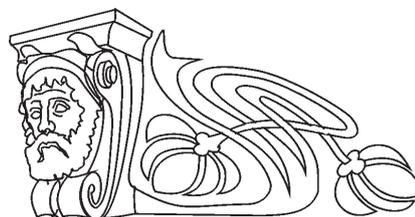
3. Hegel G. W. F. *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Mit Einleitung und Erläuterungen von K. Rosenkranz. Berlin, 1870, VII + 456 S. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Nauka logiki. Entsiklopediya filosofskikh nauk*: v 3 t. Moscow, 1970, vol. 1. 503 p.).
4. Branskiy V. P. *Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy* (Philosophy of physics of the twentieth century. Results and prospects). St.-Petersburg, 2003. 253 p.
5. Branskiy V. P. *Sotsialnaya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii* (Social synergetic as postmodern philosophy of history). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social sciences and the present). 1999, no. 6, pp. 117–127.
6. Eigen M., Schuster P. *The hypercycle. A principle of natural self-organization*. Berlin; Heidelberg; New York, 1979. 321 p. (Russ. ed.: Eygen M., Shuster P. *Gipertsikl: printsipy samoorganizatsii makromolekul*. Moscow, 1982. 270 p.).
7. Prigogine I. The die is not cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, January 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19 (Russ. ed.: Prigozhin I. *Kost eshche ne broshena. Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve*. Moscow, 2002, pp. 15–21).
8. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii* (The synergetic philosophy of history). Ed. by V. P. Branskiy, S. D. Pozharskiy. Ryazan, 2009. 314 p.

УДК 316.334

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ДОВЕРИЕ: РИСКИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Данилов Сергей Александрович –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье исследуется транзитивное состояние политического порядка и риск-тенденций доверия на примере посткоммунистических обществ. Порядок и доверие являются взаимообусловленными явлениями, вне которых невозможно стабильное функционирование социальных систем и процессов. Выделяются вертикальная и горизонтальная оси доверия в обществе, фундированные идеологией. Деформация коммунистических режимов и кризис политических институтов определили трансформацию идеологии и доверия, когда доверие, основанное на идеологии, не смогло выступить институциональной защитой. Выделяются риск-тенденции доверия: деформализация как замещение формальных норм неформальными правилами, девальвация ценностно-институциональной системы и деградация как значительное снижение уровня доверия в «обществе транзита».

Ключевые слова: порядок, власть, риск, посткоммунистический транзит, институты, ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-18-23

Посткоммунистическое общество традиционно является объектом внимания социально-гуманитарной науки. Процессы трансформации, которыми характеризуются государства и общественные системы с характеристикой «пост», можно обнаружить в экономическом, политическом, культурном измерениях. Среди множества подобных ракурсов особого внимания заслуживает проблематика доверия к политическим явлениям и процессам. В центре исследования находится тема доверия как явления, претерпе-

вающего значительные изменения в контексте социально-политической динамики транзитивных обществ.

Посткоммунистическое общество попадает под категорию транзитивного и характеризуется изменениями, свойственными для подобного рода систем. В соответствии с теорией множественных модернизаций, а посткоммунистический транзит является вариацией модернизационного транзита, следует говорить о множестве траекторий развития стран. Так А. Ю. Мельвиль отмечает множественность траекторий, которые разнонаправлены: «В одних завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других – такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих – формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления» [1].

Уникальность траекторий посткоммунистического пути определяется различными причинами и проявлениями. Ментальность общества, образы и структуры исторической памяти, зависимость настоящего от прошлого, социокультурные факторы формируют уникальный ландшафт посткоммунистического транзита. С другой стороны, трансформирующиеся общества обнаруживают общую проблематику: